

Тосиюки Симосато

О ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ПЛАТОНА КАК СИМВОЛА РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В СОЧИНЕНИЯХ В. Н. КАРПОВА

Василий Николаевич Карпов (1798–1867) известен как переводчик сочинений Платона и как философ духовной академии. Однако до сих пор обращалось недостаточное внимание на то, как Карпов соединяет православное христианство с наследием Платона. Нужно заметить, что у Платона заимствовано немало языческих элементов, и поэтому Карпов перед лицом трудности христианизации Платона должен был преодолеть пропасть между языческой философией и христианской верой для адаптации философии Платона в русской культуре. В работе раскрывается процесс формирования образа Платона как символа русской философии на основе анализа текстов Карпова. Показано, что Карпов представлял образ Платона как символ русской философии, в которой универсальные нравственные ценности соединяются с историко-культурными элементами собственной народности. Для Карпова эта символичность Платона означает, что философствование в России должно перестать быть подражательным и, черпая материал из своего исторического источника, должно сформироваться как оригинальная философия на родном языке посредством усвоения творческого наследия Платона как всечеловеческого достояния, ценность которого не зависит от его отношения к христианству. Самобытная русская философия, как практическое любомудрие, связующее ум и сердце с верой в жизни человека и исходящее из философии Платона, должна стать неотъемлемой частью философского развития человечества.

Ключевые слова: философское образование, духовная академия, язычество, мифология, метафизика, история философии.

Vasily Nikolayevich Karpov (1798–1867) is known as the translator of the works of Plato and as a philosopher of the theological academy. However, up to now, insufficient attention has been paid to the question: how does Karpov connect Orthodox Christianity with the legacy of Plato? It should be noted that Plato has borrowed many pagan elements, and therefore Karpov, in the face of the difficulty of Christianizing Plato, had to overcome the gap between pagan philosophy and Christian faith for acquiring the virtues of Plato in the soil of Russian culture. This work is aimed at revealing the process of formation of the image of Plato as a symbol of Russian philosophy by the analysis of the process of changing the image of Plato in Karpov's texts in the context of contemporary conjunctures around the policy of philosophical education. The analysis revealed that Karpov represented the image of Plato as a symbol of Russian philosophy, in which universal moral values are combined with the historical and cultural elements of their own people. For him, this symbolism of Plato means that philosophizing in Russia should cease to imitate the European philosophy, that it, drawing its material from its own historical source, must form an original philosophy in its native language by assimilating Plato's philosophical heritage as an all-human treasure which is valuable regardless of its attitude to Christianity, that Russian philosophy as practical wisdom, connecting mind and heart with faith in human life and proceeding from the philosophy of Plato, should become an original part of the philosophical movement of all human beings.

Keywords: philosophical education, theological academy, paganism, mythology, metaphysics, history of philosophy.

Данная статья посвящена рассмотрению процесса формирования образа Платона как символа русской философии в творчестве Василия Николаевича Карпова (1798–1867) в контексте динамизма политики философского образования в вузах в 1840–1860 гг. для того, чтобы продемонстрировать понимание символичности образа Платона с точки зрения японского исследователя.

Карпов известен как переводчик сочинений Платона и как философ духовной академии, поэтому многие ученые делают вывод о «христианском платонизме» Карпова [24, с. 200, 213; 9, с. 113; 23, с. 248; 5; 1, с. 62–63; 21, с. 293; 4, с. 223; 2, с. 102–103; 3, с. 240; 22; 8, с. 131, 137–138; 17, с. 26; 18, с. 95]. Однако до сих пор обращалось недостаточное внимание на вопрос, как Карпов соединяет православное христианство с наследием Платона. Нужно заметить, что вообще нелегко объединить учение Платона с христианской догматикой, так как в философии Платона имеется немало языческих элементов, и поэтому Карпов перед лицом трудности христианизации Платона должен был преодолеть пропасть между языческой философией и христианской верой для укоренения достоинств Платона в почве русской культуры. По этой причине процесс изменения образа Платона в текстах Карпова необходимо рассматривать в контексте современной ему конъюнктуры вокруг политики философского образования.

Платон как греческий философ

Василий Карпов родился в 1798 г. в семье священника. Окончив курс семинарии, он поступил в Киевскую духовную академию. Там он слушал лекции по философии у И. М. Скворцова, который занимался проблематикой взаимосвязи язычества и неоплатонизма [16, с. 1–17]. В академии Карпов пришел к мысли о возможности объяснить «антиномии» из «взаимного отношения духовной и животной жизни человека». Сначала он старался разрешить их с помощью Канта, но потом обратился к Платону [6, с. 97]. По окончании академии, с 1835 г. он начал преподавать философию в Санкт-Петербургской духовной академии.

В 1840 г. в своей первой книге «Введение в философию» Карпов пишет: «Нравственно-поэтическое настроение мышления Сократа и Платонова отразилось не только в современной и последующей наукасловности Греции, но и в самом стиле изящных ее художеств». Здесь Платон изображен как гегемон интеллектуаль-

ного и культурного развития своего народа. С такой же точки зрения он рассматривает современных ему немецких философов: дух рационализма Канта, Фихте и Гегеля отражается на характере всей северогерманской учености, а супранатурализм Шеллинга, Баадера и т. д. сообщил религиозное направление всей науке в Южной Германии. Именно на основе такого понимания роли философии Карпов делает вывод о необходимости собственной, национальной философии: «Если известное государство имеет свою оригинальную философию, то в нем непременно должна образоваться также своя, оригинальная наукословность» [11, с. 118–119]. В этом смысле Карпов утверждает необходимость формирования «оригинально-русской философии» [11, с. 120].

Платон как всечеловеческий гений

В 1841 г. Карпов в предисловии к «Сочинениям Платона» пишет так: «Имя Платона избавляет меня от труда говорить о цели и пользе предпринимаемого перевода Платоновых сочинений... Великие гении на поприще науки суть свойственники не народа, а целого человечества; их произведения суть достояние всех веков. Посему русской литературе было бы стыдно пред веками и человечеством не усвоить себе того, что справедливо почитается лучшим украшением каждой литературы» [15, с. V]. Здесь Карпов представляет Платона как воплотителя всечеловеческих ценностей, которые должна усвоить и русская литература – так же, как это случилось на Западе в эпоху Возрождения. Имея в виду первый перевод Платона, изданный флорентинцем Фичино во второй половине XV в., Карпов пишет: «Замечательно, что в возрождавшейся Европе Платон заговорил прежде по-латыни, чем по-гречески» [15, с. VIII]. Кроме того, нужно отметить, что Карпов дал высокую оценку немецкому переводу Шлейермахера, который «строго выдерживает мысль» Платона в отличие от славяно-русского перевода Пахомова, который более «выдерживал значение слов, нежели мысли» [15, с. XV; см. 5, с. 83]. Самое важное – это то, что Карпов, приступая к собственному переводу сочинений Платона, признает необходимость руководствоваться наработками ученых Запада. Указывая на имена Стефана, Аста, Шлейермахера, Штальбаума, он пишет: «Их глубоким исследованиям я обязан более, чем собственным своим усилиям» [15, с. XXII]. Поэтому можно сказать, что Карпов, страстно желая становления собст-

венно русской философии, использовал опыт интерпретации и перевода Платона европейскими учеными.

Очевидно, интерес Карпова к философии Платона был обусловлен и обстановкой в духовных училищах. В 1840 г. по инициативе обер-прокурора Синода, считавшего философию ненужной для воспитания священников, была введена новая программа семинарий, в рамках которой в преподавании философии было предложено ограничиться «психологией и логикой, не включая прочих отделов метафизики» [19, с. 207]. В этом контексте Карпов подчеркнул определение предмета философии как «исследования мира метафизического», являющегося «сверхчувственным и мыслимым» [11, с. 32]. Далее, с 1842 г. началось новое давление на преподавание философии. Ректор академии запретил Карпову читать лекции по собственным запискам и обязал его «читать строго по Винклеру», т. е. по учебнику вольфианской школы. Карпов стал читать по Винклеру, но «критически», а затем с охотой перешел на «историю философии» [19, с. 210]. С 1850-х гг. правительство, реагируя на революции на Западе и считая философию опасной, отменило в университетах преподавание «метафизики» и «истории философии», в результате чего в рамках курса «философии» остались только «логика» и «психология». Исходя из этого можно заключить, что для Карпова философия Платона имела значение и как метафизика, и как важнейшая веха в истории философии.

Платон как языческий философ

В 1856 г. в «Журнале министерства народного просвещения» были опубликованы по очереди две статьи профессоров СПбДА. Первый из них, экстраординарный профессор И. А. Чистович, написал статью «О значении философии в мире языческом и христианском», а второй, Карпов – «Взгляд на движение философии в мире христианства и на причины различных ее направлений». Можно считать, что оба автора намекали о насущной необходимости восстановить преподавание «метафизики» и «истории философии» в вузах. При этом Чистович, выясняя значение философии в «языческом мире», подчеркнул религиозно-нравственные ценности философии для того, чтобы воспрепятствовать распространению не только идеализма, но и материализма среди студенчества, а Карпов, отделяя «языческую философию» Запада от «прак-

тического любомудрия» Востока в христианском мире, констатировал необходимость собственно русской философии на основе православия.

Вначале Чистович объясняет, что до эпохи христианства древнегреческая философия в противовес языческой вере играла ведущую роль в повышении нравственности народа. Он пишет: «Языческие религии вообще мало обращали внимания на нравственную сторону человеческой жизни». Причину этого он видит в политеизме, так как «при множестве богов всегда есть надежда получить от снисходительности другого то, в чем отказала бы справедливость одного». Поэтому «надобно было прояснить понятие о Боге как блюстителе нравственного порядка, пробудить потребности разумной души человеческой, подавленные чувственностью, восстановить в глазах человека его собственное достоинство, униженное язычеством, направлением жизни: это и было задачей философии» [20, с. 69–70]. В этом смысле он поставил Платона на высочайший уровень дохристианской философии, так как у Платона «бог – производитель всеблагого мира, управляющий им и направляющий его к целям общего блага, т. е. к себе» [20, с. 74].

Тем не менее, Чистович считает, что в учении Платона был серьезный недостаток: он полагал, что «материя есть начало отрицательное, противоположное доброду, и, следовательно, она есть начало зла». Поэтому «такое учение не согласно с идеей божества в высшем ее развитии, а переходя в область нравственного учения, приводит к печальным следствиям, как это показала школа Александрийских неоплатоников. Отсюда мрачный взгляд на настоящую жизнь, стремление сбросить с себя эти темничные узы – наше тело, которое препятствует нашему духу в его уподоблении божеству» [20, с. 80]. По мнению ученого, слабость философии Платона проистекает из ее связи с язычеством, так как «язычество не могло понять творения мира из ничего» [20, с. 81]. Значит, с точки зрения Чистовича, даже и материя – божественная продукция. Поэтому можно считать, что, по Чистовичу, христианская философия должна существовать между двумя крайностями, т. е. языческим материализмом и неоплатоническим идеализмом, между отрицанием духовно-нравственных ценностей и отвержением материально-физического бытия.

Если первая статья имела дело с дохристианским язычеством, то вторая, учитывая выводы первой, рассуждала о противоречиях

христианской философии и гностической философии, считая их причиной различия философских позиций в христианском мире. По объяснению Карпова, для постижения всего существующего из веры путем разума родилась «христианская» философия; и, напротив, для того, чтобы выводить истины веры «из чуждых христианству философских оснований», была основана «гностическая» философия [12, с. 173–174], которая, будучи памятником ученой славы эллинизма в стенах христианства, в результате борьбы отцов церкви против нее была из христианства изгнана [12, с. 174–175]. Таким образом, вместо «языческих философских школ», повлиявших на развитие «гностицизма», явились и умножились, преимущественно на Западе, «школы монастырские» [12, с. 175–176], где развивалась «философия схоластическая» [12, с. 176]. Она, сосредоточившись на одной диалектике и развивая формализм, мало-помалу потеряла нравственную и религиозную значимость. Вместе с тем, под влиянием «Аравийской учености» на схоластическую философию монастырских школ наводился «лоск языческий» [12, с. 179]. А касательно Реформации Карпов считает, что «воспитанник римско-католической школы Лютер», унаследовав от нее идею о «раздельности знания и убеждения», положил в основание веры и нравственности «суд и цензуру язычески воспитанного ума», который, обретя независимость, вместо этого стал зависеть от произвольно возникающих собственных представлений. Таким образом, «ни одно вероисповедание, кроме язычества, не благоприятствовало столько произвольному разветвлению философии, как Лютерово» [12, с. 183–184]. О Платоне в этой статье Карпов упоминает только в связи с полемикой между номиналистами, стоящими на позиции Аристотеля, и реалистами, увлекающимися идеями Платона [12, с. 181]. «Во всяком случае, на Западе, – пишет Карпов, – философия в продолжение 1300 лет росла и укреплялась языческими идеями» [12, с. 193].

Говоря о формировании собственно русской христианской философии, Карпов отмечает, что на Востоке преимущественно распространялось отшельничество, в котором философствование перешло в известный образ жизни «практического любомудрия» [12, с. 176]. Это любомудрие, несмотря на кажущееся отчуждение от общественной жизни, имело на нее сильное влияние, так как отшельники постоянно были «образцами подвижнических добро-

детелей» среди общества. Таким образом, «практическое любомудрие», переходя из уст в уста, давало образцы для подражания в семейной и гражданской жизни народа [12, с. 193]. впоследствии эти начала любомудрия вместе с христианством были перенесены из Византийской империи в славянские племена. На русской земле «практическое любомудрие» развивало дух народа и «мышление, согласное с верой и оправдываемое деятельностью по вере», оно и стало «общим выражением нашей народной жизни», т. е. «господствующей нашей философией» [12, с. 195]. По мнению Карпова, «практическое любомудрие» постепенно устанавливало общие нормы мышления и поведения в виде пословиц. «Пословицы были народными гномами, на которые смотрели как на начала мудрой опытности, как на масштаб для приложения христианского православия и благочестия к частым случаям жизни практической» [12, с. 196]. Таким образом, в пословицах русского народа следует искать прототип собственно русской философии.

Однако с конца XVII в., как отмечает Карпов, в России начал развиваться «вкус к внешнему образованию». Сначала «Киев, первый рассадник наук», попал под влияние «римско-католических понятий», а потом и в духовных академиях стали заниматься «схоластической философией». Впоследствии не только Московский университет, но и духовные академии стали отдавать предпочтение немецкому идеализму вообще и школе Вольфа в частности. Тем не менее, «германский рационализм» не смог набрать популярности в России – православной стране, потому что православие «требует, чтобы ум и сердце не поглощались одно другим и вместе с тем не разделяли своих интересов», но находились «в постоянной связи между собой, как орган веры» [12, с. 197]. «Русское» любомудрие развивается вне школ, и Карпов связывает его судьбу с творчеством «нашего Сократа» – Григория Сковороды, который настаивал на том, что «извод образования должен быть из народа, для народа, народный» [12, с. 197–198], и в этом видел необходимое условие «русской философии». Таким образом, Карпов, указывая на имя Сковороды, подчеркивал, что у каждого народа философия должна быть связана с его собственными верованиями.

Платон как переводчик высших идей на народный язык

В 1860 г. в результате недовольства общественности было принято решение возобновить преподавание курса истории философии в университетах [7, с. 6]. Карпов, входивший в редакцию журнала «Странник», начал активно участвовать в журналистике. В 1861 г. в философской пьесе Карпов, хоть и не называл имени Платона, но очевидно использовал платоническую форму диалога, выступая против «натуральной философии», согласно которой «жизнь – в общем процессе развития вещества» [13, с. 234]¹, и утверждая, что человек «своей душой не принадлежит земле, но живет в вечности» [13, с. 258–259]. Это означает, что главной задачей Карпова стала критика «натурализма», отрицающего априорность высших нравственных ценностей. В 1863 г. он решил переиздать свои переводы Платона за свой счет [5, с. 87, 91], рассчитывая на «пробуждение духовенства к развитию в своей среде учено-литературной деятельности и старание министерства восстановить на кафедрах его училищ здравую и плодоносную в своих основаниях философию» [15, с. XXIII].

Карпов, припоминая ранее высказанную ему «одним двигателем *русского народного просвещения* обидную хулу на родной наш язык, будто он не может принять форм Платоновой речи» [15, с. XXIII–XXIV], обращает внимание на вопрос об отношении языка философа к языку народа. Для него «язык света» вовсе не достаточен «для выражения высоких идей философии». Так как высокие идеи бывают только «минутными гостями земли», которые озаряют «душу философа светом, постигаемым только во глубине ума», утверждает Карпов, то «философ принужден выходить за пределы обыкновенных форм народного выражения и из общественного языка образовывать частное, кабинетное наречие! С этим наречием восходил на свою кафедру и Платон» [14, с. 18]. Высокие понятия о свойствах ума и природе, теория об идеях, о законах и государстве, созерцание Бога, изображение любви, красоты, высочайшего блага и проч. – все это, согласно Карпову, появилось в душе Платона прежде, чем «готовы были формы слова и выражения для воплощения его идей». Поэтому, продолжает он, Платон должен был «дополнять язык соотечественников новыми

¹ Наверное, Карпов имеет в виду немецкий материализм Фохта, Бюхнера и Мошотта.

терминами, устанавливая их значение, объяснять их слушателям и для объяснения прибегать к аллегориям, вымышлять образы, принимать парение поэта» [14, с. 19]. Таким образом, перед лицом противоречия между «высокими идеями ума, требовавшими нового философского языка», и «вкусом своего времени, желавшим приобретать мудрость под легкими и общенародными формами слова», для того чтобы «примирить и сочетать эти крайности» [14, с. 19–20], Платон писал поэтическую прозу в разговорной форме [14, с. 21]. Карпов видит отличительную черту диалогов Платона в «эротематическом», т. е. вопросительном методе, при котором «истина независима, не принадлежит никому, не есть достояние какого-нибудь одного лица, но является сама собой, чрез сравнение и оценку противоположных взглядов» [14, с. 22]. «Таким образом истина освобождается от всех чуждых ей покровов, выводится из пределов и форм всех школ, становится как бы существом бесплотным, и – мгновенно, как существо бесплотное, исчезает». Поэтому «истина» остается «только предметом внутреннего, глубокого ощущения, тайной беседовавших душ». В таком смысле «истина» не имеет никакого отношения не только к «догматизму», но и к «науке, изложенной в книге» [14, с. 23].

Платон как символ народного-всечеловеческого философа

В 1864 г. Карпов в рецензии на свой перевод Платона, имея в виду сопоставление восточного практического любомудрия и западной схоластической философии, представляет схему разветвления «восточного» Платона и «западного» Аристотеля так: «Платон и Аристотель, покровительственно и с любовью принятые в мире христианском, как бы разделили его себе по странам и избрали в нем противоположные направления. Первый, вышедши из Александрии, направился к востоку и следы своих идей оставил в творениях многих отцов и учителей восточной церкви; а последний, переселяясь из страны вместе с аравитянами, утвердился, наконец, на западе Европы и выразился в сочинениях западных богословов». Итак, если учение Аристотеля использовалось в школах как предмет преподавания, то философия Платона была предназначена для того, чтобы «вселяться в домашние общества» [10, с. 73–74]. Основываясь на таком различии двух древнегреческих философов, Карпов приступил к созданию образа Платона как символа русской философии.

Согласно Карпову, религиозные убеждения Платона проистекали из двух источников: «священного предания» и «жизни в Боге». В данном случае «священное предание» означает языческую мифологию, а «жизнь в Боге» – созерцание бессмертия души, уверенность в вечной жизни. Примечательно, что Карпов называет вероисповедание Платона «религиозным убеждением», а не язычеством. Касательно «священного предания» он, указывая на термин Платона «παλιός λόγος», т. е. «старое слово», проводит аналогию между Ветхим заветом и греческой мифологией: «Относительно исторических фактов, несомненно, что для апостолов и евангелистов были пророки Ветхого Завета, то для Платона древние, вдохновенные богами поэты». Относительно связи религии и поэзии у Платона Карпов утверждает, что Платон любил «религиозные свои идеи облекать поэтическими мифами, но эти оболочки, очевидно, имели у него только значение символов», что сам Платон «очень серьезно говаривал, что в содержании тех или других мифов заключается глубокая истина» [10, с. 113]. Вообще «религиозные познания» Платона, полагает Карпов, характеризуются тем, что «материальная сторона религии у него чисто объективная, происшедшая путем жизни и истории и постепенно воплощавшая в себе его идею о Боге». Поэтому если дело поэтов – передача мифов, то дело гения Платона – «обработка принятой исторически материи, истолкование мифов, соотношение их... в системе, обнимающей все сущее», т. е. сочетание отрывочных звуков поэтических мифов «в одной гармонически сложенной поэме». «Таким образом, – заключает Карпов, – на философию Платона надобно смотреть как на систематический отчет в религиозных и нравственных помыслах всего человечества» [10, с. 114].

Выводы

В заключение можно сказать, что в конечном итоге Карпов через свои переводы сочинений Платона на русский язык намеревался представить образ Платона как символ русской философии. Тем самым он пытался показать, что, во-первых, философствование в России должно перестать быть подражательным, что оно, во-вторых, черпая материал из своего исторического источника, должно быть оригинальной философией на родном языке, чему будет способствовать усвоение философского наследия Платона как всечеловеческого достояния, независимо от его отношения к

христианству, в-третьих, что русская философия как «практическое любомудрие», связующее ум и сердце с верой в жизни человека и исходящее из философии Платона, с необходимостью должно стать самобытной частью философского движения человечества через диалог с другими. В таком смысле можно сказать, что образ Платона имеет большое значение для философии не только в России, но и в Японии.

Литература

1. *Nethercott F.* Russia's Plato: Plato and Platonic Tradition in Russian Education, Science and Ideology (1840–1980). Aldershot, 2000.
2. *Абрамов А.И.* Кант в русской духовно-академической философии // Кант и философия в России. М., 1994.
3. *Абрамов А.И.* Карпов Василий Николаевич // Русская философия. Энциклопедия. М., 2007.
4. *Абрамов А.И.* Оценка философии Платона в русской идеалистической философии // Платон и его эпоха. М., 1979.
5. *Августин, архим. (Никитин).* Василий Карпов. Очерк жизни и деятельности // Вече: Альманах русской философии. 1998. № 11.
6. *Гавриил, архим. (Воскресенский В.Н.)* История философии архимандрита Гавриила. Часть VI: Русская философия. М., 2005.
7. Журнал Министерства народного просвещения. 1860. Т. 106. Отд. I.
8. *Замалеев А.Ф.* Русская религиозная философия XI–XX вв. СПб., 2007.
9. *Зеньковский В.В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. II.
10. *Карпов В.Н.* [Рецензия на:] Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные профессором Карповым // Странник. 1864. № 6. Отд. 3.
11. *Карпов В.Н.* Введение в философию. СПб., 1840.
12. *Карпов В.Н.* Взгляд на движение философии в мире христианском и на причины различных ее направлений // Журнал Министерства народного просвещения. 1856. Т. 92. Отд. II.
13. *Карпов В.Н.* О бессмертии души против натурализма: Разговор // Странник. 1861. № 5. Отд. 2.
14. *Карпов В.Н.* О сочинениях Платона // Сочинения Платона. Изд. 2-е. Ч. I. СПб., 1863.
15. *Карпов В.Н.* Предисловие (к первому изданию) // Сочинения Платона. Изд. 2-е. Ч. I. СПб., 1863.
16. *Киев [Скворцов И.М.]* О философии Плотина // Журнал Министерства народного просвещения. 1835. № 10. Отд. II.
17. *Коцюба В.И.* Тема познания человека в философской антропологии В. Н. Карпова // Вестник славянских культур. 2011. №3 (XXI).
18. *Мирошниченко Е.И.* Очерки по истории раннего платонизма в России: Статьи по истории русской философии. СПб., 2013.
19. *Флоровский Г.В.* Пути русского богословия. Минск, 2006.
20. *Чистович И.А.* О значении философии в мире языческом и христианском // Журнал Министерства народного просвещения. 1856. Ч. 92. Отд. II.

21. Шапошников Л.Е. Консерватизм, модернизм и новаторство в русской православной мысли XIX–XX веков. 2-е изд. СПб., 2006.
22. Шевцов А.А. Карпов; Платоническая психология. Философ Карпов; Платоническая психология. Психолог Карпов // Карпов В.Н. Избранное. СПб., 2004.
23. Шохин В.К. Карпов Василий Николаевич // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995.
24. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Избранные труды. М., 2010.

Shimosato, Toshiyuki. *On the formation of the image of Plato as a symbol of Russian philosophy in the works of V. N. Karpov*

References

1. Nethercott, F. *Russia's Plato: Plato and Platonic Tradition in Russian Education, Science and Ideology (1840–1980)*, Aldershot, 2000.
2. Abramov, A.I. Kant v russkoj duhovno-akademicheskoy filosofii [Kant in the Russian ecclesiastical academy philosophy], in *Kant i filosofiya v Rossii* [Kant and philosophy in Russia], Moscow, 1994.
3. Abramov, A.I. Karpov Vasilij Nikolaevich, in *Russkaya filosofiya. Enciklopediya* [Russian philosophy. Encyclopedia], Moscow, 2007.
4. Abramov, A.I. Ocenka filosofii Platona v russkoj idealisticheskoy filosofii [Evaluation of Plato's philosophy in Russian idealistic philosophy], in *Platon i ego ehpora* [Plato and his era], Moscow, 1979.
5. Avgustin, arhim. (Nikitin). Vasilij Karpov. Oчерk zhizni i deyatel'nosti [Vasily Karpov. Essay on his life and activity], in *Veche: Al'manah russkoj filosofii* [Veche: Almanac of Russian philosophy], 1998, no. 11.
6. Gavriil, arhim. (Voskresenskij V.N.) *Istoriya filosofii arhimandrita Gavriila. Chast' VI: Russkaya filosofiya* [The history of philosophy of Archimandrite Gavriil. Part VI: Russian philosophy], Moscow, 2005.
7. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], 1860, no. 106, part I.
8. Zamaleev, A.F. *Russkaya religioznaya filosofiya XI–XX vv.* [Russian religious philosophy of the 11th–20th centuries], St. Petersburg, 2007.
9. Zen'kovskij, V.V. *Istoriya russkoj filosofii* [History of Russian philosophy], vol. 1, part 2, Leningrad, 1991.
10. Karpov, V.N. [Recenziya na:] Sochineniya Platona, perevedennye s grecheskogo i ob"yasnennye professorom Karpovym [[Review of:] Plato's works translated from Greek and explained by Professor Karpov], in *Strannik* [Pilgrim], 1864, no. 6, part 3.
11. Karpov, V.N. *Vvedenie v filosofiyu* [Introduction to philosophy], St. Petersburg, 1840.
12. Karpov, V.N. Vzglyad na dvizhenie filosofii v mire hristianskom i na prichiny razlichnyh ee napravlenij [A view on the development of philosophy in the Christian world and on the causes of its various trends], in *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], 1856, vol. 92, part 2.
13. Karpov, V.N. O bessmertii dushi protiv naturalizma: Razgovor [On the immortality of soul against naturalism: A conversation], in *Strannik* [Pilgrim], 1861, no. 5, part 2.

14. Karpov, V.N. O sochineniyah Platona [On the works of Plato], in *Sochineniya Platona* [Works of Plato], 2nd ed., part 1. St. Petersburg, 1863.
15. Karpov, V.N. Predislovie (k pervomu izdaniyu) [Foreword (to the first edition)], in *Sochineniya Platona Platona* [Works of Plato], 2nd ed., part 1. St. Petersburg, 1863.
16. Kiev [Skvorcov, I.M.] O filosofii Plotina [On Plato's philosophy], in *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], 1835, no. 10, part 2.
17. Kocyuba, V.I. Tema poznaniya cheloveka v filosofskoj antropologii V. N. Karpova [The theme of human knowledge in philosophical anthropology V. N. Karpov], in *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic cultures], 2011, no. 3 (XXI).
18. Miroshnichenko, E.I. *Ocherki po istorii rannego platonizma v Rossii: Stat'i po istorii russkoj filosofii* [Essays on the history of early Platonism in Russia: Articles on the history of Russian philosophy], St. Petersburg, 2013.
19. Florovskij, G.V. *Puti russkogo bogosloviya* [Ways of Russian theology], Minsk, 2006.
20. Chistovich, I.A. O znachenii filosofii v mire yazycheskom i hristian-skom [On the importance of philosophy in the pagan and Christian world], in *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Education], 1856, no. 92, part 2.
21. Shaposhnikov, L.E. *Konservatizm, modernizm i novatorstvo v russkoj pravoslavnoj mysli XIX–XX vekov* [Conservatism, modernism and innovation in Russian Orthodox thought of the 19th and 20th centuries], 2nd ed., St. Petersburg, 2006.
22. Shevcov, A.A. Karpov; Platonicheskaya psihologiya. Filosof Karpov; Platonicheskaya psihologiya. Psiholog Karpov [Karpov; Platonic psychology. The philosopher Karpov; Platonic psychology. The psychologist Karpov], in Karpov, V.N. *Izbrannoe* [Selected works]. St. Petersburg, 2004.
23. Shohin, V.K. Karpov Vasilij Nikolaevich, in *Russkaya filosofiya. Malyj ehnciklopedicheskij slovar'* [Russian philosophy. Small encyclopedic dictionary], Moscow, 1995.
24. Shpet, G.G. Ocherk razvitiya russkoj filosofii [Essay on the Development of Russian Philosophy], in Shpet, G.G. *Izbrannye trudy* [Selected works], Moscow, 2010.

DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.1.4>